

УДК 94(47).083

Грибовский М.В.

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

ФЕНОМЕН ПРИВАТ-ДОЦЕНТУРЫ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

M. Gribovskiy

Tomsk State University

THE PRIVAT-DOCENT PHENOMEN ON IN RUSSIAN UNIVERSITIES OF LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Аннотация. Статья посвящена такой категории преподавателей российских университетов рубежа XIX–XX вв., как приват-доценты. Именно в указанный период институт приват-доцентуры получил наибольшее распространение. В статье рассматриваются причины расширения приват-доцентуры университетским уставом 1884 г.; статус, численность, материальное положение «младших преподавателей»; отношение к приват-доцентуре в университетской среде, опыт самоорганизации «младших преподавателей». На основании анализа законодательных и нормативных актов, архивных источников и ранее проведенных исследований автор делает вывод о приват-доцентуре как о важном, но не до конца реализованном элементе российской университетской жизни рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: университет, профессорско-преподавательская корпорация, приват-доцент, Устав 1884, гонорарная система.

Abstract. The article is devoted to privat-docents, the category of teachers at Russian universities in XIX–XX centuries. It was during this period when the private-docent institution became most common. The article considers the reasons for its expanding through the University Regulations 1884, such as: status, size, financial position of «junior lecturers»; attitude toward private-docents at universities; junior lecturers' experience of self-organization. Basing on the analysis of laws and regulations, archival sources and previous studies the author concludes that private-docents were important, but not completely implemented elements of the Russian university life in XIX–XX centuries.

Key words: university, Faculty Corporation, privat-docent, Regulations 1884, fee system.

В изучении прошлого отечественной высшей школы неоценимую помощь оказывает такое направление исторической науки, как социальная история. В социально-историческом исследовании научный интерес фокусируется на разносторонней характеристике той или иной социальной группы. Университетский преподавательский корпус на рубеже XIX–XX вв. являлась немногочисленным, но весьма заметным слоем городского общества, выступая нередко индикатором общественных настроений. Если дореволюционная профессура часто становилась объектом исторических исследований, то «младшим преподавателям» в историографической традиции не уделено должного внимания. Целью настоящей статьи является частичное восполнение указанного пробела.

Система образования – живой организм, меняющийся вместе с трансформацией общества. Одним из значительных изменений университетской системы XIX в. явилось создание института приват-доцентуры.

Возникновение в России заштатной доцентуры относится к 1842 г., когда она нашла отражение в уставе Императорского университета Св. Владимира (ИУСв.В) [15, с. 22-23]. Обще-

университетский устав 1863 г. предусмотрел уже повсеместное введение приват-доцентуры. Министерство народного просвещения (МНП) предполагало с ее введением расширить категорию преподавателей и за счет конкуренции повысить научный уровень преподавания. Но из-за отсутствия продуманных источников ее финансирования ни в 1860-х, ни в 1870-х гг. она не получила широкого распространения в российской системе образования.

Университетский устав 1884 г. внес существенные изменения в статус приват-доцентуры, значительно расширив этот институт высшей школы.

Профессор Новороссийского университета (ИНУ) И.А. Линниченко с иронией писал об этих изменениях: «Устав [18]84 г. возлагал большие надежды на приват-доцентуру. Ее считали Броун-Секаром Academicum¹ способным оживить инертную ткань Академической корпорации. Приват-доценты – не [...] помощники профессоров, работающие под их ферулою, [...]; это те же профессора, только свободные, почти независимые, не зараженные рутинною конкурентностью штатной профессуры. Приват-доцент может открыть курс, параллельный курсу профессора [...]; он может, обладая талантом, знаниями и лекторскими способностями, превратить профессора в казенный манекен, чиновника в мундире, единственную обязанностью которого будет получать жалование в свое двадцатое число. [...] Профессор должен вечно тренироваться, подтягиваться, быть на чеку, напрягать все силы, чтобы одолеть приват-доцента в окончательном финише и получить Grand Prix – гонорар»².

Схожую мысль более академично сформулировал ректор ИУСв.В. «[Устав] стремится развить приват-доцентуру, надеясь образовать этим путем будущих профессоров и вместе с тем побуждает штатных профессоров стоять на уровне современных научных требований и быть всегда готовыми к конку-

ренции»³.

Профессиональная деятельность приват-доцентов в основном регламентировалась статьями 109–113 Устава, которыми определялись круг лиц, имевших право быть приват-доцентами, процедура получения звания приват-доцента и контроля качества их работы, определен механизм вознаграждения труда приват-доцентов. Со временем законодательство уточнялось. Так, 12 мая 1898 г. было опубликовано Циркулярное письмо МНП, касавшееся приват-доцентов. В нем указывалось на необходимость более жесткого контроля над преподавательской деятельностью «младших преподавателей» со стороны факультетского начальства [10, ст. 177-178].

На приват-доцентов как на членов преподавательской корпорации распространялись некоторые льготы. Они не несли военную службу [11. ст. 1159-1196]. С 1907 г. по решению МНП обучавшиеся в университете дети профессоров и преподавателей освобождались от платы за обучение⁴.

Однако служебное положение приват-доцентов было нестабильным. Они не могли принимать участия в собраниях факультетских советов, были отстранены от участия в академическом самоуправлении. Лишь после Февральской революции, когда углубился процесс демократизации университетов, приват-доценты были допущены к участию в работе факультетских собраний и университетского совета.

Приват-доценты искали возможность занять штатную должность. Так, например, осенью 1892 г. приват-доцент Московского университета (ИМУ) В.В. Сапожников в письме попечителю Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринскому просил предоставить ему вакантную кафедру в Томском университете (ИТУ). Он сетовал на то, что при его тогдашнем неопределенном положении в ИМУ он не мог с «той успешностью, как это было бы желательно», завершить докторскую диссертацию. «Получение кафедры (в ИТУ –

¹ Броун-Секар Шарль Эдуар – французский физиолог XIX в., занимавшийся проблемой омоложения.

² Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

³ Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 707. Оп. 262 (1885). Д. 6. Л. 1.

⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 430. Л. 3, 4.

М.Г.), – писал он, – дало бы мне возможность, не разбивая внимания, сосредоточиться на преподавании и ученых занятиях в избранной области, и в этом направлении быстрее совершенствоваться» [16, с. 146].

Для характеристики института приват-доцентуры важно составить представление о количестве и удельном весе данной категории преподавателей. Рассмотрим это на примере Петербургского университета (ИСПБУ). Накануне введения устава 1884 г. в ИСПБУ служили 83 штатных преподавателя, из них 40 – профессора [7, с. 11]. В 1916 г. в университете преподавали уже 293 человек. Рост был достигнут, главным образом, за счет группы «младших преподавателей», в категорию которых к этому времени были переведены лица учебно-вспомогательного персонала, а удельный вес приват-доцентов увеличился с 36,2% преподавательского состава в 1886 г. до 68,3% в 1916 г. [8].

Всего в российских университетах (за исключением Варшавского, а также факультета восточных языков ИСПБУ и богословского факультета Юрьевского университета) в 1901 г. насчитывалось 560 приват-доцентов, из них 287 – на медицинских факультетах, 91 – на историко-филологических, 119 – на физико-математических, 63 – юридических [13, с. 159]. Преобладание среди приват-доцентов медиков особенно заметно на примере ИГУ [5, с. 165].

В соответствии с 112-й статьей университетского устава, приват-доценты получали вознаграждение из особо назначенной МНП суммы, размер которого определяется на основании представлений совета и попечителя [6, с. 39-40]. В середине 1880-х гг. 6 университетов могли рассчитывать по этой статье на 60000 руб. в год¹. Так, в 1898 г. ИУСв.В запросил от 200 до 600 рублей для 6 приват-доцентов физико-математического, по 200 рублей – для 4 приват-доцентов историко-филологического и 100 рублей – для приват-доцента юридического факультета². Отметим, что всего в этом году в университете числилось

45 приват-доцентов³. Однако с конца 1890-х г. в оплате труда приват-доцентов возникли затруднения. В сентябре 1898 г. МНП установило правило, по которому запрашивать средства на вознаграждение приват-доцентам университеты могли только по истечении полугодия, а не на год или полгода вперед, как это практиковалось прежде. После неоднократных обращений университетов через попечителей МНП восстановило систему предварительного назначения вознаграждения, но лишь тем приват-доцентам, которые читали обязательные курсы⁴.

Приват-доцентам с разрешения МНП порой поручалось исполнение обязанностей по вакантной кафедре с вознаграждением, не превышающим половины оклада ординарного профессора.

Помимо оклада, профессора и преподаватели имели возможность дополнительного заработка за счет гонорара. Его источником служила плата студентов за право посещать лекции и практические занятия преподавателей. Чем больше записывалось студентов, тем значительнее был и размер гонорара профессора или приват-доцента. Так, у профессоров юридических факультетов столичных университетов он мог достигать 7-8 тысяч рублей в год. Иначе дело обстояло с приват-доцентами. Согласно записке, составленной в 1897 г. советом физико-математического факультета Казанского университета (ИКУ), приват-доценты этого факультета, которые читали главным образом необязательные курсы, получали гонорар «колеблющийся от 0 до 20 рублей»⁵. В соответствии со «Списком профессоров и приват-доцентов, служащих в Императорском Харьковском университете, коим испрашивается кредит на дороговизну жизни» (1916 г.) ни один из перечисленных в списке 11 приват-доцентов Харьковского университета (ИХУ) не получил гонорара в истекшем 1915 г.⁶.

³ ГАК. Ф. 16. Оп. 337. Д. 76. Л. 16-17, 20-21, 24-29.

⁴ Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9928. Л. 12-13.

⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 19.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 21 об.

¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 297. Л. 290 об.

² Государственный архив Киева (ГАК). Ф. 16. Оп. 337. Д. 76. Л. 4, 4 об.

Именно в неэффективности гонорарной системы по отношению к приват-доцентам проявлялись слабые места опыта по повсеместному расширению внештатной доцентуры. На это указывается в выше упомянутой записке, составленной в 1897 г. в ИКУ: «Вместо поддержания и развития приват-доцентуры [...], система гонорара явилась тормозом для [ее] развития, так как студенты университета при своей материальной необеспеченности в большинстве случаев были лишены возможности записываться на необязательные курсы приват-доцентов, не смотря на весь их интерес и всю их важность в системе научного образования. По той же причине, в случае чтения приват-доцентами параллельных курсов, студенты естественно записывались только на лекции штатного преподавателя как их будущего экзаменатора»¹.

О затруднительном положении приват-доцентов говорит хранящееся в фондах РГИА анонимное письмо, написанное в 1916 г. от имени «матери приват-доцента» и адресованное Министру народного просвещения. В письме говорилось: «Я осмеливаюсь [...] описать, как пример, положение сына моего: [...] он [...] был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Через три года он выдержал магистерский экзамен и получил звание приват-доцента. В следующем году был командирован от Министерства за границу для приготовления магистерской диссертации, на что ему была назначена стипендия – 2000 р. в год. Побыв там 1½ года, он был застигнут в Германии войной, принужден был бежать [...]. По приезде в Россию стипендия от Министерства была прекращена, но, несмотря на свое трудное материальное положение, он продолжил заниматься окончанием диссертации, читая вместе с тем лекции в Университете безо всякого определенного вознаграждения, так как лекции его считались необязательными. Со слушателей получал 22 р. за полугодие. [...] Надеюсь, что Вы обратите Ваше благосклонное внимание и не забудете таких приват-доцентов как мой сын, улучшите их положение,

¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 17 об.-18.

назначив определенное вознаграждение за чтение лекций как обязательных, так и необязательных, дав им тем возможность добраться до профессуры»².

Итак, можно сделать вывод о том, что общие доходы, получаемые приват-доцентами от службы в университете, редко превышали 1000 руб. в год, что не могло обеспечить жизненные потребности семейного человека и вынуждало многих из них в ущерб научным занятиям искать дополнительный заработок. Ассистент ИМУ Г. Зацепа писал с досадой: «В годы подготовки к научному служению стране будущие ученые, будущие профессора принуждены заниматься главным образом различными побочными мелочами для поддержания своего существования и лишь в самой ничтожной степени – наукой» [3, с. 43].

Остановимся на проблеме положения приват-доцентов в университетском сообществе и попытках их самоорганизации.

Как отмечалось, чертой университетской преподавательской корпорации конца XIX – начала XX вв. было преобладание преподавателей, выведенных за штат, что означало сосуществование внутри корпорации полноправного меньшинства (профессуры) и бесправного, не имевшего права участия в работе Советов, большинства (лекторы, приват-доценты, лаборанты).

В этих условиях в отечественных университетах наблюдалась определенная конфронтация двух преподавательских групп. Примером напряженности в отношениях между «старшими» и «младшими» преподавателями служит ситуация, в которой оказался приват-доцент ИСПБУ С.Ф. Платонов, рассчитывавший в 1890 г. на штатную профессуру, занимаемую профессором Е.Е. Замысловским, который вскоре по болезни оставит службу. Сохранился дневник жены Платонова, проливающий свет на эту ситуацию. «[Замысловский] не думает об отставке и берет на себя магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах; общего курса он никогда читать не будет: зачем брать на себя такое тяжелое бремя [...]. Это бремя всецело

² РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 131-132.

ляжет на С[ергея] Ф[едоровича], который понесет на себе [...] главную тяжесть профессорских обязанностей и за это получит 800 р. в год, гонорар и звание приват-доцента, а Зам[ысловск]ий за магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах, т.е. за легчайшую и лаковую сторону работы будет носить звание профессора и получать 3000 р. В наших глазах это чистейшая эксплуатация чужого труда» [9, с. 281-282].

«Младшие преподаватели» требовали допуска их в Совет. Такое требование, противоречившее действовавшему Уставу, не везде встречало понимание. Так, профессура ИМУ отказала в 1906 г. приват-доцентам в предоставлении им права решающего голоса при голосовании в Совете¹.

В отличие от московских коллег, профессора ИСПБУ оказались настроены более либерально. При обсуждении осенью 1905 г. проекта нового устава большинство Совета ИСПБУ признала «желательным и целесообразным участие младших преподавателей в Совете» [8]. Делегаты столичного университета заняли соответствующую позицию и во время работы совещания представителей университетской профессуры (январь 1906 г.), проходившем под эгидой МНП, однако по этому вопросу они оказались в меньшинстве [14, с. 175-214].

В условиях отсутствия легальной возможности быть полноправными членами университетской корпорации и при неоднозначном отношении к этому вопросу со стороны профессуры, приват-доценты в начале XX в. пошли по пути самоорганизации – стали создавать организации с целью защиты своих прав. Одной из первых подобного рода организацией было «Санкт-Петербургское общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений», созданное еще в 1903 г. [8].

Толчком к появлению таких обществ при других вузах стала революция 1905–1907 гг. В феврале 1905 г. приват-доценты ИКУ создали «Общество взаимной помощи младшего учебно-педагогического персонала Императорс-

кого Казанского университета»². С этого же времени действовала «Харьковская группа младших преподавателей», объединявшая на начало 1906 г. 103 человека³. На фоне революционных событий, протекавших в стране, союзы «младших преподавателей» были весьма политизированы. На их заседаниях поднимались острые политические вопросы, активисты союзов, как правило, разделяли антимонархические взгляды. Харьковская «Группа» в числе прочего занималась судьбой приват-доцента Л.Н. Яснопольского, уволенного за лекцию, осуждающую политику правительства на Дальнем Востоке. О «Союзе младших преподавателей» ИМУ попечитель Одесского учебного округа граф А. Мусин-Пушкин писал в МНП в 1906 г.: «Этот нелегальный политический «Союз младших преподавателей» представляет собой чисто революционную организацию, имеющую тесную связь с крайними студенческими партиями и с крайними элементами университетского Совета»⁴.

Стоит заметить, что критиков приват-доцентуры в университетской среде было довольно много.

По словам профессора ИМУ В.И. Герье, «Приват-доцентура есть роскошь университетской жизни, которая может развиваться [...] при избытке сил [...], когда число желающих получить кафедры превысит число последних» [4, с. 155]. Рассуждая о приват-доцентах как об авторах альтернативных курсов, он писал, что «польза, которую студенты в состоянии извлечь из конкуренции преподавателей, весьма двусмысленна», поскольку эта конкуренция основана на «фразах и приманках» и не имеет отношения к подлинному «научному» состязанию [1, с. 833].

Профессор ИМУ В.М. Грибовский полагал, что введение свободной приват-доцентуры «при существовании гонорарной системы и праве конкуренции с профессорами» и вовсе понизило уровень преподавания и экзаменационных требований [2, с. 239].

² НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4843. Л. 1.

³ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 667. Оп. 286. Д. 144а. Л. 4.

⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 4.

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 1-2.

Профессор ИХУ В.Я. Данилевский о приват-доцентах, которым поручается чтение курсов, высказывался следующим образом: «Такой преподаватель обыкновенно оказывается не на высоте своего призвания; он мало опытен в этом деле; он не член коллегии и это одно уже ставит его преподавание в необычное положение»¹.

Поднимался вопрос о приват-доцентуре и во время работы Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.). Перед началом ее работы советам университетов предлагалась обсудить вопрос о статусе и числе приват-доцентов. При наличии разных точек зрения на этот предмет, члены комиссии, настаивая на возвращении доцентуры, большинством голосов, высказались за сохранение института приват-доцентов [12, с. 113-115].

Подведем итоги. Изучение практики функционирования института приват-доцентуры в российских университетах в конце XIX – начале XX вв. приводит к выводу о том, что далеко не все идеи, заложенные при разработке Устава 1884 г., нашли воплощение в реальности. Более того, идея «свободы преподавания и свободы слушания» (именно с ней связывалось расширение приват-доцентуры) вступала в непримиримое противоречие со строгой курсовой системой, предполагавшей посещение студентами тех курсов, которые читались в соответствии с утвержденными МНП программами.

С другой стороны, создание в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта» породило ситуацию конфронтации, которая приобретала политическое звучание в накаленной атмосфере начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герье В.И. Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. – № 4. – С. 818-836.
2. Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи. – Одесса, 1912. – 258 с.
3. Зацепа Г. Пасынки университета: материалы по вопросу о положении в университетах младших преподавателей. – М., 1907. – 47 с.
4. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Вып. 1. – Саратов, 1894. – 184 с.
5. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). – Томск, 2010. – Т. 1. – 514 с.
6. Общий устав и временный штат Императорских российских университетов. – СПб., 1884. – 63 с.
7. Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 г. С приложением речи ординарного профессора В.П. Васильева. – СПб., 1883. – 38 с.
8. Ростовцев Е.А., Баринин Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы. – Томск, 2012 (в печати).
9. Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. – СПб., 2006. – С. 270-318.
10. Сб. распоряжений по МНП. Т. 14. 1898–1900 гг. – СПб., 1904. – 1946 ст.
11. Сб. постановлений по МНП. Т. 15. 1897–98. – СПб., 1902. – 2110 ст. + 64 ст.
12. Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 2. – СПб., 1903. – 391 с.
13. Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. – СПб., 1903. – 491 с.
14. Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. – СПб., 1906. – 343 с.
15. Устав и штаты Императорского университета Св. Владимира. Б.м., [1842], разд. паг.
16. Ястребов В.Я. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. – Томск, 1996. – 221 с.

¹ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 10 об.